

бою, твоею светлою головкой, твоею милою душою, радуюсь от твоего присутствия, ласково волнуясь каждым твоим жестом и думаю, думаю... О, мой возраст. Было бы иначе. Взял бы я тебя к себе, несмотря ни на что...»

Александр Павлович страдал до конца жизни, а мама не вышла замуж. Очень трудно, даже невозможно было найти человека, который заменил бы ей моего отца.

Всю свою любовь она отдала мне и любимому делу, которое являлось продолжением дела ее Учителя и Любимого человека.

21 января 2000 года мама умерла.

Один человек про нее сказал: «Светлая была женщина». Это сказано очень верно. Она верила в добро и свет, была сильным человеком притом, что ей были свойственны необычайная нежность и женственность.

Русская литература и, особенно, Лев Толстой были ее религией. Мама верила в будущее России, верила в русский народ, но к концу жизни верить приходилось все трудней. Она очень близко к сердцу принимала все, что творится вокруг, и постоянно волновалась. Ее глаза всегда смотрели ясно и правдиво, она не могла представить себе, до какой степени люди могут погрязнуть во лжи и прочих пороках. Такому человеку, как мама, трудно жить, организм заболевает, и приходит смерть.

Последнее, о чем я хочу сказать, это то, что, мама как натура поэтическая очень любила музыку, хотя сама не играла, поскольку ее не учили. Она, так же как и мой отец, хотела, чтобы я стала музыкантом. Их желание исполнилось. Но это уже моя биография.

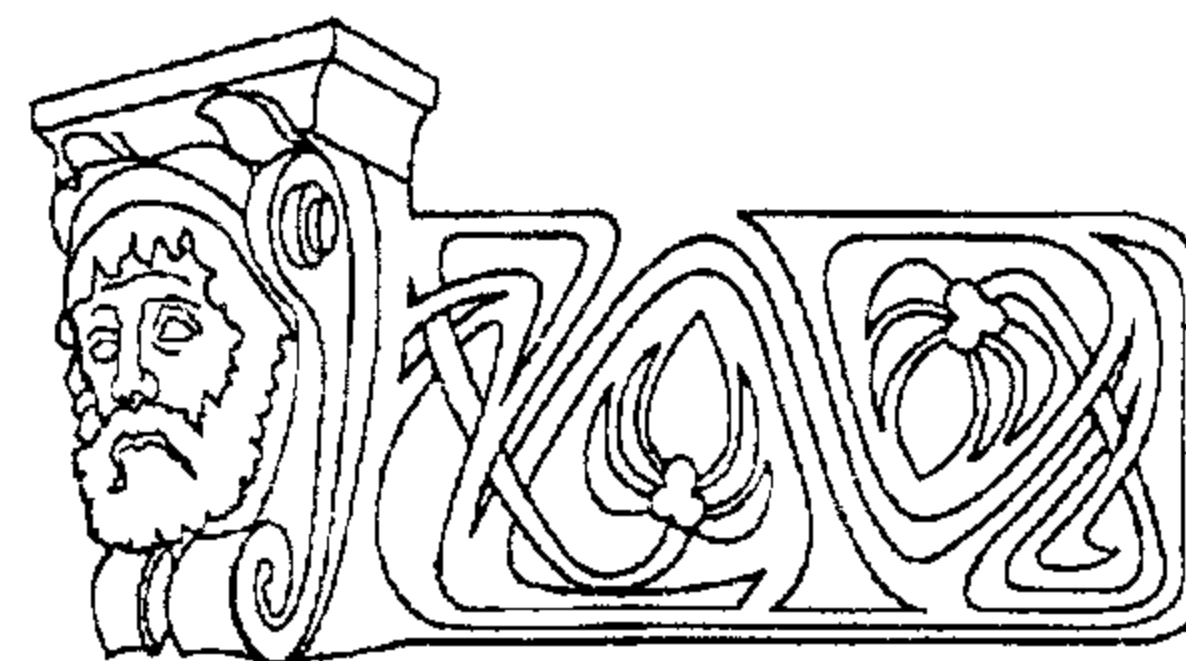
УДК 882.09+929 Скафтымов

УСТНЫЕ ВЫСКАЗЫВАНИЯ А. П. СКАФТЫМОВА 20-Х ГОДОВ (по архивным материалам)

В. К. Архангельская

Второе десятилетие XX века было временем необычайно интенсивной, напряженной научно-общественной деятельности профессоров и преподавателей университета, музеев, библиотек г. Саратова. Они входили в различные творческие объединения, работа которых была обращена не только к специалистам и студентам, но и к населению города и края.

Остановимся на некоторых материалах архива СУАК (Саратовской ученой архивной комиссии), а именно на заседаниях Отдела искусства и литературы Нижне-Волжского научного общества краеведения, относящихся к 1924 г., в которых активная роль принадлежала проф. А. П. Скафтымову. Разделение на отделы было следующим этапом в судьбе общества Истархет, объединявшего ученых и краеведов разных интересов. В 1919 г. действовала историко-филологическая секция при университете (совместно с обществом) и, как видно из отчета, было прочитано «особенно много докладов»; засе-

дания проходили публично в обширном зале так называемого старого университета, вход был свободным. Публичным лекциям «придавалось значение просветительное и также учебное» (Ф. 407. Ед. хр. 453. Л. 9). Действовали курсы по русской литературе проф. Н. К. Пиксанова, на них занимались «культурными гнездами Саратовского края, <...> с которым связаны такие имена, как Радищев, Чернышевский и др., изучение которых в Саратове приобретало особый смысл» (Там же. Л. 12). Традиции был дан ход, и в протоколе № 8-а от 7 июня 1924 года «административного заседания» Отдела искусства и литературы записано: «Признано желательным просить А. П. Скафтымова организовать изучение местных писателей и историков литературы (Чернышевского, Пыпина и др.), а Г. Г. Дингеса – немецкой местной литературы и поэзии» (Там же. Л. 13).

Жизнь и творчество Чернышевского в 20-е годы были в поле зрения многих членов обществ Истархет, и «Журнал учета докла-

дов, проводимых в обществе Истархет с 1918 по 1925 год» (Ф. 407. Ед. хр. 328) отразил этот интерес. Но не только «Журнал».

9 ноября 1924 г. на общее собрание членов общества «в память 35-летия со дня смерти Н. Г. Чернышевского» (Ф. 407. Ед. хр. 443) были вынесены доклады: А. П. Скафтымова «Архитектоника романа «Что делать?», В. А. Бельского «Вопросы теории кооперации в разработке Н. Г. Чернышевского», проф. Ю. А. Иванова «Падение Римской империи в понимании Н. Г. Чернышевского», Н. М. Чернышевской-Быстровой «Из литературных отношений Н. Г. Чернышевского к И. Н. Бырышеву-Мясницкому» и проф. С. Н. Чернова «Новые материалы о Н. Г. Чернышевском как учителе Саратовской гимназии»¹.

Помимо членов общества «присутствовало 17 человек гостей». Председательствовал С. Н. Чернов, секретарем был преподаватель-словесник А. А. Кротков. Он очень кратко записал в протоколе смысл выступления каждого из докладчиков. Так, о первом из них: «Докладчик А. П. Скафтымов рассматривает творение Н. Г. Чернышевского со стороны литературной его обработки, идеологической и публицистической. Тезисы доклада прилагаются». Однако их в архиве не оказалось.

Позднее Скафтымов отказался от этого названия своего первого труда о Чернышевском: в 1926 г. была опубликована его большая (почти в 50 страниц) статья под названием, частично отразившем запись секретаря заседания: «Роман Чернышевского “Что делать?” (Его идеологический состав и общественное воздействие)»². С нее начинается ряд его работ о знаменитом саратовце, позволивший Е. И. Покусаеву и А. А. Жук написать о Скафтымове-литературоведе: «самый большой пласт жизни ученого связан с именем великого демократа, им поставлены новые задачи по изучению художественного письма, выработаны оригинальные принципы и методики исследования»³.

На заседаниях Отдела искусства и литературы слушались и обсуждались доклады на разные темы: проф. Брюсовского института С. М. Соловьева «Трагедия Сенеки “Эдип”» (собственный перевод и статья), научно-технического сотрудника университета Е. И. Бобровой «Из наблюдений над стилем и компо-

зицией сонетов Петрарки», сообщение А. А. Лебедева «Лев Толстой и И. В. Шелгунов», В. В. Вормса «Титанизм Гете».

Для нас интерес представляют те заседания, на которых выступал Скафтымов, те протоколы, которые с большей или меньшей степенью подробностей отразили его высказывания-оценки, т.е. принадлежащие ему устные рецензии на исследования. Напомним, что к 1924 г. он уже заявил о себе как об ученом широких интересов. Минувя его печатные работы, скажем о том, что на заседаниях членов общества Истархет он читал «Вечно новое в произведениях Достоевского» (1921 г.), «Новая русская литература в трудах А. Н. Сиротинина» (1923 г.), «Изучение былин за последние 20 лет», «О соотношении вымысла и действительности в былинах» (1923 г.). Два последних выступления вошли в качестве отдельных глав в известную монографию «Поэтика и генезис былин» (1924 г.). Он был автором статьи «К вопросу о соотношении теоретического и исторического рассмотрения в теории литературы» (1923 г.). Положения ее достаточно отчетливо проступают не только в его оценках-рецензиях на доклады членов, но и во мнениях о докладах других членов Отдела искусства и литературы. Обратимся к материалам.

12 апреля 1924 г. был заслушан доклад С. П. Знаменского «История создания рассказа Чехова “Невеста”» (Ф. 407. Ед. хр. 443. Л. 4, 4 об.)⁴. Председательствовал проф. В. Я. Каплинский, секретарем была А. Н. Лозанова.

Сохранился так называемый «автореферат» исследования С. П. Знаменского (Л. 5, 5 об., 6 и 6 об.). Судя по нему, автор проследживает «несколько стадий» в работе Чехова над рассказом, привлекает черновую редакцию, наброски, письма, наблюдает изменения, внесенные писателем (главным образом, сокращения по отношению к второстепенным персонажам и несущественным деталям), сравнивает с другими произведениями Чехова («В родном углу» и «Случай из практики»), отмечает сходные переживания героинь, детали диалогов, пейзажных картин. Отличия от них «Невесты» видит в финале, мажорном по своему характеру, что связывает с фактами личных переживаний писателя и настроениями, «когда он всюду искал не

проявлений смуты, хмурости и сумеречности жизни, а фактов подъема и роста оппозиционных настроений».

Скафтымову, как обычно, было предоставлено слово первому. Отметив «законченность доклада», который «вводит нас в самую лабораторию человеческого творчества», он (в изложении секретаря) оценил следующим образом его аналитическую часть: «Однако наблюдается некоторая неточность в анализе текста и рукописи рассказа. Оппонент выражает пожелание более полного выяснения причин редакционных изменений (видимо, от черновика к печатному тексту. — В. А.). Что касается сопоставлений разбираемого рассказа с другими произведениями Чехова, то здесь хотелось бы более сопоставление целых персонажей, а не отдельных разговоров действующих лиц. В общем, заслушанная работа представляется весьма содержательной и полной».

Несмотря на краткость протокольной записи устного выступления, видно, что оно идет в русле тех принципов анализа художественного текста, которые заявлены Скафтымовым в названной статье 1923 г.: «Каждый из эстетических факторов данного произведения получает свою значимость лишь в соотношении с другими», с концепцией произведения в целом. Даже письма, «этот самый компетентный и, по-видимому, верный источник знания о смысле эстетических ингредиентов произведения, все же не может быть бесконтрольно и независимо от теоретического имманентного анализа самого произведения». И еще: изучение «черновых материалов, планов, последовательность редакционных изменений и пр., <...> без теоретического анализа не может привести к эстетическому осмыслению окончательной редакции»⁵.

Шаткость сравнений рассказа «Невеста» с другими произведениями Чехова была замечена и другими слушателями. В частности, А. Н. Лозанова сказала: «Если идти по этой линии сопоставлений, то их можно было бы найти весьма много в творческом наследии Чехова». И этого, одного из кардинальных историко-теоретических вопросов науки о литературе, касался Скафтымов в статье, когда предостерегал: даже безусловно доказанное влияние одного произведения на другое

«несколько не может свидетельствовать в пользу усвоения качеств одного произведения другому. И здесь только само произведение может свидетельствовать о своих свойствах»⁶.

Эти же требования к литературному анализу прозвучали и в выступлении Скафтымова по поводу доклада В. Н. Архангельского «В. М. Гаршин. Личность и творчество», слушанье которого растянулось на три заседания: 23 февраля — «Мироощущение писателя», 8 марта — «Мирозерцание писателя» и 29 марта — «Композиция и роль произведений Гаршина». Помимо литературоведов и этнографов, на заседаниях Отдела искусства и литературы присутствуют историки П. Г. Любомиров, П. Д. Степанов. И «гости» — от 16 до 33 человек в разные дни (Ф. 407. Ед. хр. 442).

В. Н. Архангельский, судя по справочнику «Весь Саратов в кармане» (1926 г.), заведовал библиотекой. К протоколам № 1–3 заседаний Отдела приложены авторские «Выводы доклада», также разделенные внутри, но не на три, а на четыре части. В первой — о психологии гаршинского героя, больного телом и духом человека, с преобладанием «интеллекта над атрофированной волей»: воспоминания и наблюдения вместо борьбы, жалость как основное чувство. «Проведенная параллель между психологией героя и психологией автора доказывает субъективность гаршинского творчества»; «психология героя воспиталась под воздействием больного тела и общего упадка дворянской культуры переходной эпохи от русского феодализма к капитализму». Во второй части рассматривается идеология героя и Гаршина как народническая, «преобладание в ней эпического чувства над политическим», этики непротivления злу насилем, что «вполне соответствует психологии уставшего героя и вместе с тем является продуктом общественной неорганизованности». Часть третья (большая) утверждает: «Поэтика в ее методах (композиция) и в ее манере выражаться (стиль) органически связана с психологией героя и эпохи»; «композиция гаршинского рассказа — композиция маленького городского рассказа, расчлененного на обрывки и главы», что связано с темпераментом Гаршина; «малоподвижность в развертывании сюжета», внешние условия

способствуют повышенной работе интеллекта и эмоций, субъективные образы преобладают над объективными; «в звуковых, зрительных и моторных образах – дисгармония, асимметрия и неритмичность характерны»; язык неоригинален, идет от готовых форм «тургеневского и толстовского рассказов»; эмоциональность, лиризм идут от тем, сравнения преимущественно из зоологического мира, «эксплуатируемые» животные, насекомые – «идеология отражается на поэтике» – непотворение злу; «литературная традиция шла у Гаршина» от Гюго, Достоевского, Тургенева и Эдгара По «и преимущественно носила идейный характер, идея непотворения злу – от Л. Толстого и Достоевского. Субъективность образов характерна для литературы 80–90-х гг., а также поздней (Л. Андреев, Вяч. Иванов, Ахматова и др.) с их преобладанием «серого» и «белого» – «типично для последнего периода капиталистической культуры». В четвертой части «Выводов» заявлено об органической связи в изучении поэтики и идеологии. У Гаршина «над всем власть наследственности и влияние общественной среды»; история не является предметом рассмотрения, «мы только на нее указываем», – заканчивает «Выводы» В. Н. Архангельский.

Как видим, в них многие положения лишь декларируются. Можно думать, их недоставало и в самой работе, хотя в ней были и достоинства, отмеченные Скафтымовым. Позволим привести его выступление полностью, пусть и в протокольном изложении. «Профессор А. П. Скафтымов указывает, что работа В. Н. Архангельского производит хорошее впечатление большой осведомленностью автора в его вопросе. Эпистолярная, мемуарная, критическая литература по Гаршину (в общем, правда, небольшая) использована почти в исчерпывающей полноте. Тщательная и кропотливая работа, очевидно, происходила и внутри текста произведений Гаршина. Благодаря небольшому объему и компактной собранности большей части материалов, относящихся к Гаршину (произведения и большинство писем и воспоминаний в первом томе), автору удалось быстро и свободно оперировать необходимыми ему справками и сопоставлениями, и в этом отношении работа его достигла почти полной

законченности. Что касается приемов и методов исследования, в этом отношении труд В. Н. Архангельского вызывает большие сомнения и возражения. Общий недостаток всей работы в целом и во всех ее частях – это оторванность и фрагментарность текстуальных данных, которые автору должны были служить опорой в разных суждениях его. В аналитическом дроблении и обособлении частей целого – дробление, конечно, необходимо при всяком анализе – автор обнаруживает отсутствие принципиальных обоснований в случайные, вербальные и потому искусственные сближения, обесмысливающие цитируемый текст и убивающие всякую долю его фактичности и убедительности. Суждения автора о мировоззрении, о мироощущении и о стилистических основных тенденциях Гаршина оказываются построенными на искусственном подборе отдельных слов и выражений без всякого контекста. Кроме того, те положения, которыми автор характеризует внутренний мир Гаршина и его историческое место в русской жизни и литературе, – недостаточно конкретизированы, слишком общие, мало индивидуализируют данную личность и творчество писателя и могут быть распространены на целые группы других эпох и общественных слоев. В этом отношении многие правильные наблюдения В. Н. требуют дальнейшей проработки в сторону установления внутренне дифференцирующих признаков личности и творчества Гаршина, отмежевывающих его писательскую индивидуальность от расплывающихся и слишком широких категорий, данных автором. В анализе художественной манеры Гаршина у автора, при наличии некоторых метких замечаний и отдельных наблюдений, замечается опять недостаток принципиальности в тех членениях, которые он устанавливает среди явлений стиля; кроме того, само понятие стиля, по-видимому, не получило у автора достаточно четкой квалификации и нередко смешивается с тематическими явлениями, заданными художником в данном произведении. Наиболее удачна часть о композиции гаршинских рассказов в работе В. Н. Архангельского, хотя эта часть не является законченной и требует дополнительных усложнений».

По сути, исследование В. Н. Архангельского скорее генетическое: о влияниях, реальных основах произведений Гаршина и его личности.

Скафтымов был знаком с изданиями произведений Гаршина, писем, мемуаров о нем. Полное собрание сочинений Гаршина в 3-х томах 1910 г. было в библиотеке университета (в личной – не было). Его устный отзыв о работе В. Н. Архангельского явился как бы «практическим подтверждением» обоснованной Скафтымовым методологии исследования, требующей новых путей развития науки о литературе, с выработкой навыков следования за автором и необходимостью личного эстетического опыта. Протицируем строки из его статьи, варьирующие смысл высказанной им неудовлетворенности докладом: «Компоненты даются и берутся во всей сложности контекста, льют свет друг на друга и через сопоставление частей, через целостный охват всего создания, неминуемо должна раскрываться центральная значимость и эстетический смысл как отдельных частей, так и всего целого»⁷.

Методологическая позиция Скафтымова убеждала, принималась. Участвовавший в обсуждении проф. В. Я. Каплинский считал, что В. Н. Архангельский стремится «добыть свои выводы путем отдельных выдержек без связи с контекстом», и такой метод не может быть приемлем; С. П. Знаменский «указывал на то, что оторванность от общего целого отдельных выражений (вербальность) произве-

ла на него впечатление сухости и схоластичности»; А. Н. Лозанова «отметила неубедительность аргументации отдельных цитат без связи с общим целым». О том же говорил Г. Г. Дингес.

20-е гг. – начало ведущих научных интересов А. П. Скафтымова (Чернышевский, Чехов). 20-е гг. – начало формирования школы Скафтымова. Несомненно его влияние на коллег. Он явится одной из ведущих фигур и Общества литературоведения (начало – 1928 год), в котором он станет председателем двух (русской и фольклора) из трех секций.

Примечания

¹ С. Н. Чернову выступить не удалось «за поздним временем», а Ю. И. Иванову – «за неприбытием на собрание», их доклады откладывались на следующее заседание (Л. 20).

² Н. Г. Чернышевский. Сборник. Неизданные тексты. Статьи. Материалы. Воспоминания. Саратов, 1926. С. 92–140.

³ Покусаев Е. И. Александр Павлович Скафтымов / Е. И. Покусаев // Скафтымов А. П. Нравственные искания русских писателей: Статьи и исследования о русских классиках / А. П. Скафтымов. М., 1972. С. 16.

⁴ Сергей Павлович Знаменский в прошлом доцент Московской духовной академии. В 1913 г. назначен преподавателем русского языка и словесности только что открытого в Саратове учительского института, в ноябре 1918 г. преобразованного в педагогический (Гос. архив Саратов. обл. Ф. 618. Оп. 1. Д. 4. Л. 17–32).

⁵ Скафтымов А. П. К вопросу о соотношении теоретического и исторического рассмотрения в истории литературы / А. П. Скафтымов // Учен. зап. Саратов. гос. ун-та. 1923. Т. 1, вып. 5. С. 56–57.

⁶ Там же. С. 58.

⁷ Там же. С. 59.

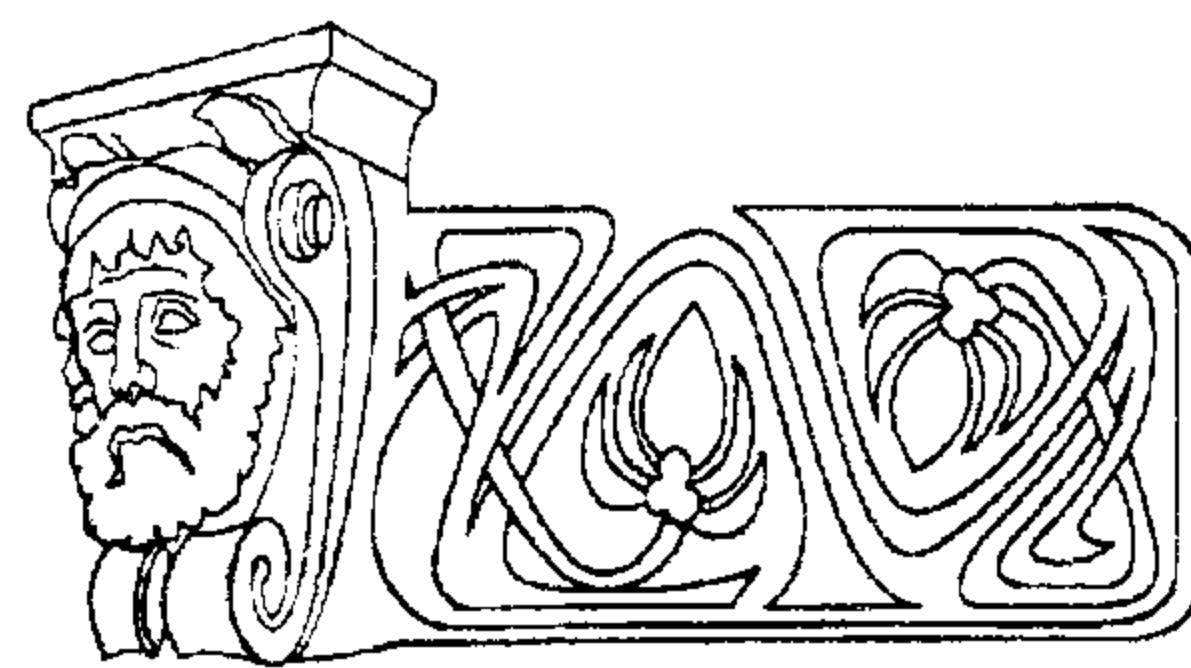
УДК 882.09-95+929 Скафтымов

ПРОБЛЕМА РЕАЛИЗМА В СТАТЬЯХ А. П. СКАФТЫМОВА

Н. М. Белова

А. П. Скафтымов не оставил специальных теоретических работ по вопросам реализма, но в его историко-литературных статьях вырисовывается определенная концепция реалистического искусства. Выделение ее и анализ составляют цель настоящей статьи.

В освещении реалистического метода до сих пор существуют большие разногласия.

А в то время, когда писал Скафтымов, господствовало упрощенное и вульгаризированное его понимание. Реализм отождествлялся с правдивостью, главным его признаком считалось бытовое правдоподобие, доказывалось, что этот метод прокладывал себе дорогу в изображении быта еще до утверждения реалистического направления и что